

Зиновий Гердт:

Я не могу жить даже без нашей материны

Комс. правда. — 1996 — 28 дек. — с. 4

Он скончался в ночь на девятнадцатое ноября. Значит, с отрывного календаря с тех пор слетело сорок листков. Среди предпраздничной суеты мы вряд ли будем долго думать о горестях и о смерти, но, подводя итоги года, нельзя не вспомнить о тех утратах, которые случились в девяносто шестом

Вот фрагменты одного из последних интервью, данных Зиновием Ефимовичем Гердтом...

— Я просыпаюсь с чувством вины за все, что происходит в стране. С чувством вины, что я что-то не сделал.

О бывших...

— Вы понимаете, наши бывшие хозяева были настолько убеждены в своей непогрешимости, что не считали нужным чему-нибудь учиться. Это было ниже их достоинства. И, скажем, Рыжков назвал свое движение «Власть народа», а власть народа в переводе — демократия. Якобы демократия — это что-то страшное. А власть народа? Если бы он чуть-чуть заинтересовался хотя бы лингвистическим составом этого слова! Стыдно, что эти люди всю жизнь мной руководили.

У меня образование ниже среднего — семилетка и ФЗУ, слесарь. И инженерное училище во время войны, шесть месяцев. Вот и все. Но я всю жизнь совершенствовался. Я и сейчас учусь, хочу познать какие-то вещи. А эти...

О поездках за рубеж...

— Так сложилась моя жизнь, что я попал в валютный театр. Я с Образцовым каждый год два раза выезжал куда-нибудь за границу. С 49-го года. Нет ни одной страны в Европе, куда бы я ни ездил по нескольку раз. И я видел, как живут свободные люди. И когда, скажем, уже Польша была демократическая, там были лавочки, где можно было купить (пусть и задорого) «Мальборо». И я думал, неужели у нас когда-нибудь будут такие вещи, что я смогу заработать деньги и купить то, что я кланчил в ресторанах, у официантов, перекупал... Блок

Гердт и Никулин
они дружили...

Фото Александра КОРОЛЬКОВА.

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

«Мальборо» купить — это была большая удача. А эти сигареты замечательные, против наших — просто небо и земля.

О КГБ...

— Всегда с нами ездили два человека. Работники Министерства культуры, так это называлось. Все были как-то заняты. Кроме них. Они ходили и наблюдали.

Когда приехал какой-то огромный ансамбль в Токио, те выпустили буклет. 250 человек приехали, каждый человек был там обозначен. И — маленький портретик. И написано: реквизи́тор, костюмерша, музыкант (скрипка). А в конце — четыре человека — лейтенант КГБ, лейтенант КГБ, лейтенант КГБ...

Но люди были разные. С нами бывали ребята из КГБ, которые

помогали электрикам, таскали фонари, что-то делали. И как-то они не вызывали антипатии. Однажды один со мной подружился, хороший парень был. В Мадриде мы сидели на парапете у фонтана, и он мне сказал: «Старик, ты знаешь, я как-то взял твоё досье. Это как двухтомник из Советской Энциклопедии. Я пошел к генералу. Сказал, что Гердт — нормальный человек, хороший артист. Он наш, он советский человек, он патриот». Генерал и говорит: «Ну ладно, сожги и напиши объективу». Два кирпичика он сжег.

О фашизме...

— Если коммунистическая партия России будет опираться на такие экстремистские течения, как «Трудовая Россия», кто это

сможет вынести? Анпилов сказал, что «мне, русскому человеку, неприятно, противно, когда в эфире Зиновий Гердт».

Я хромаю пятьдесят три года. Я не стесняюсь своей хромоты. И публика привыкла, что я такой. Я пролил кровь за Россию, за СССР, за Родину. В борьбе с фашизмом. Если у Анпилова есть боевики и кто-нибудь замахнется на меня, это не такая плохая смерть — умереть в борьбе с русским фашизмом. Вы понимаете, о чем я говорю? Это плохая участь: он погиб в борьбе с фашизмом. Не от руки ночного хулигана же.

О молодежи...

— Я думаю, что упущение государством молодежи — это одна из коренных ошибок. Как можно не учитывать то, что называется тинэйджерами? Главное — их убедить, сформировать из них людей. Законопослушных и человеколюбивых. Больше ничего не нужно. Человеколюбие, умиление человеком.

О Родине...

— Понимаете, на склоне лет проявляется то, что называется «подведение итогов». Я подвожу итоги своей жизни. Я ничего не делал против людей, против народа, против Родины, если говорить громко и патетически. Я семьдесят шесть раз выезжал в «большую заграницу». Мог бы я остаться? Что мне стоило? Но представить себе не могу жизнь без материны даже нашей. Не могу без этой блевотины жить. Без тех страшных вещей, которые у нас происходят. Это МОИ вещи. Это в моей семье происходит.

Материал подготовил
Сергей МАЛЫХ.